

УДК 728.03 (575.2) (04)

КОЧЕВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Л.Р. Турганбаева

Исследуется архитектура периода средневековья как узловой эпохи для племен евразийских степей, оставившей не только значительные памятники, но и новые варианты планировочных схем.

Ключевые слова: пастбища; границы; кочевой стиль архитектуры; юрта; жилище на колесах; планы поселений; айильная организация.

Сведения о хозяйственной жизни кочевых племен раннего средневековья содержатся в китайских династийных хрониках. Так, в истории Танской династии (“Таншу”) есть указание, что у племен тукюе (тюрки), обитавших на Южном Алтае во 2-й половине VI в., не было постоянного местопребывания, но каждое из них имело свой участок земли. Очевидно, что здесь под участком земли надо понимать пастбища, поскольку тюркские племена не знали оседлости. Их территориальные соседи – племена жуань-жуани Северной Монголии зимой кочевали на южной стороне Песчаной степи, а с наступлением лета возвращались на северную [1, с. 40].

Скупые и фрагментарные сведения имеются в арабских письменных источниках IX–XI вв. Арабский географ IX в. Абдаллах ибн Хордадбех сообщает о местности Касрибас, находящейся в районе Тараза, что это теплое место, где зимуют карлуки и что поблизости от него расположены зимовки другого тюркского племени – халаджей. Автор XI в. Махмуд Кашгарский в “Диван луга тат-тюрк” (“Словаре тюркских языков”) упоминает о местности Юн-арык в Жетысу и подчеркивает, что это название летовки поблизости от Баласагуна. Ибн ал-Асир в XIII в. сообщал, что кыпчаки кочуют летом по соседству с волжскими булгарами, а зимой – около Баласагуна, т.е. в Западном Жетысу, в долинах рек Талас и Чу [1, с. 39–40].

Другой автор XIII в. Гильом де Рубрук писал о монголах: “Они не имеют нигде постоянного местожительства и не знают, где найдут его в будущем ... всякий начальник знает ... границы своих пастбищ, а также где он должен пастись свои стада зимою, летом, весной и осенью. Именно зимою они спускаются к югу в более теплые страны, летом поднимаются на север, в более холодные. В местах, удобных для пастбища, но лишенных воды, они пасут стада зимою,

когда там бывает снег, так как снег служит им вместо воды” [2, с. 79].

Как видим, для периода средневековья характерны упорядоченные перекочевки, сезонность движения кочевых групп, устойчивые маршруты кочевий. Об этом свидетельствуют многочисленные кочевнические могильники и компактные группы курганов X–XIV вв., зафиксированные, в частности, на территории Дешт-и Кыпчака. В то же время у отдельных племен еще, по-видимому, сохранялось непрерывное, или “таборное”, кочевание, на что указывают случайные, эпизодические вводные погребения [3].

Таким образом, из изложения в хронологической последовательности сообщений письменных и литературных источников о системе ведения кочевого хозяйства на территории евразийских степей, быт кочевника представляется “устойчивым и неподвижным”. Все также по степи передвигаются многочисленные стада, все также, куда бы ни шли кочевники, “на войну или в другое место”, они перевозят с собой свое жилище. Однако эта неподвижность быта лишь кажущаяся, поскольку период средневековья считается узловой эпохой в истории скотоводческих народов и племен Великого пояса степей, когда заканчивается процесс генезиса хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов, и он стабилизируется в своих классических формах [4].

Этот период ознаменован достижениями в материальной и духовной культуре, означающими, что кочевой стиль достиг совершенства. В результате многовекового отбора и шлифовки под углом зрения максимальной практичности, компактности, прочности, легкости и удобства при постоянных переездах появились мобильное жилище, сборно-разборная мебель, небьющаяся посуда, покроя одежды, удобный для верховой езды.

Особое значение эпоха средневековья имела для архитектуры кочевых народов, поскольку именно в этот период она «претерпела ряд внезапных изменений и оставила достаточное число очень характерных и значительных памятников, позволяющих судить в целом о широких возможностях строительной культуры в степях» [5, с. 81]. Свидетельство тому не только города – центры сосредоточения власти кочевников, мемориальные усыпальницы ханов и полководцев, храмы и замки-крепости в степях, но и решетчатая юрта, изобретение и распространение которой С.И. Вайнштейн связывает с древнетюркской средой.

Юрта – портативный цилиндрический шалаш нового типа – имела совершенно своеобразную конструкцию: она состояла из двух частей – вертикальной стенки, образованной из решетки, которая может складываться, и самостоятельного верха. По мнению исследователя, у древнетюркской юрты решетки стен были сделаны из ивовых палочек; коническую или полусферическую крышу делали из прямых или выгнутых жердей, низ которых скреплялся с решеткой остова, а верх – с обручем дымового отверстия; с ним же скреплялись концы перегнутых и связанных вверху планок, создававших впечатление своеобразного заострения купола. Аналогии ей он находит в современных юртах афганских хазарейцев и алтайских найманов [4].

«Преимущества юрты, – пишет С.И. Вайнштейн, – по сравнению с предшествующими типами шалашей очевидны: она не нуждалась в транспортировке в громоздких повозках, ее можно было быстро собрать и разобрать, сравнительно легко перевезти вьюком в малодоступные ранее места» [4, с. 46]. Юрта имела лишь один существенный недостаток: ее остов нельзя было изготавливать, как прежде, в каждом кочевом хозяйстве. Изготовление решеток было доступно лишь особым мастерам-ремесленникам.

С этого времени (V–VI вв. н.э.) юрта становится основным типом жилища кочевников евразийских степей. «Тюркские куполообразные дома» (кубати биут тюркиа) из шерсти и войлока зафиксировал в X в. у огузов Устюрта Ахмед ибн Фадлан. Другие средневековые источники, рисуя жизнь огузов IX–XIII вв., характеризуют их юрту как жилище, крытое войлоком, с деревянным решетчатым остовом [4]. Уже с 30-х гг. XIII в., по мнению С.И. Вайнштейна, монголы знали разборную юрту [4]. Изменения в ее конструкции исследователь связывает с XIV – началом XV вв.

Упоминания об остальных видах шалашей несмотря на то, что они существовали наряду с решетчатой юртой, лишь изредка встречаются в средневековых источниках. Так, например, у тех же огузов, помимо юрты, жилищами служили чумы «шатыр» (чашыр) и «алячк», а также палатки из различных покрытий и деревянных опор, часть из них устанавливалась на телеги [4, с. 49]. Известно также об использовании шалашеобразных жилищ оседающими кочевниками Хазарского каганата. «Дома семендерцев, – пишет арабский географ X в. ал-Муккадаси, – выстроены из дерева, переплетенного камышом, и имеют островерхние крыши» [6, с. 18]. Подтверждением служат и материалы археологических раскопок, в частности, на это указывают наклонные стенки округлой в плане полуземлянки с очагом в центре, исследованной С.А. Плетневой на Правобережном Цимлянском городище [7]. Судя по описанию ал-Гарнати (XII в.), население в поволжском городе Саксине проживало в палатках: «В городе существует сорок родов гузов, каждый из которых обладает собственным эмиром. У них большие жилища; в каждом жилище громадная палатка, вмещающая сотню человек и укрытая войлоком» [3, с. 208]. Шалаш из ветвей, конический шалаш, неразборные жилища на телегах входят в перечень типов жилищ после дворца и войлочной решетчатой юрты в «Сокровенном сказании», или «Секретной истории монголов» [4].

Об использовании кочевниками средневековых жилищ на колесах свидетельствуют материалы археологических исследований. Отдельные части повозок нередко встречаются в погребениях скотоводческих племен Поволжья и юга России. Обломки двухколесной повозки были найдены в одном из позднеполовецких погребений у д. Афанасьевка (Днепропетровская обл.). В двух курганах могильников Акмола и Тасмола в Павлодарской области были зафиксированы остатки деревянных колес телеги на перекрытиях могил кыпчакского времени [8].

Интересные сведения о повозках средневековых кочевников сохранились в русских письменных источниках. Так, Радзивилловская (Кенигсбергская) летопись, относящаяся к XV в., щедро иллюстрирует многочисленные эпизоды русско-половецких битв XI в., в том числе и такие, в которых объектом нападения и полона были половецкие становища и кибитки – «половецкие вежи», как их называет летописец.

Л.Г. Нечаева, на основе анализа миниатюр летописи, выявила бытование у половцев двух

видов передвижных жилищ. Первый вид представляют двухколесные повозки с водруженными на них высокими шатрами. Шатры квадратные в плане, с довольно высокими отвесными стенами и вытянутой пирамидальной кровлей. Откиннутые полы мягкого войлочного или матерчатого покрытия образуют вход на боковой стене.

Второй вид – двух- и четырехколесные арбы с высоким кузовом, по мнению автора, с деревянным или обтянутым войлоком. Кровля повозки представляет собой покрытый войлоком каркас округло-конической формы, увенчанный довольно высокой трубой-шейкой, которая “то прямо возвышается над кровлей, то загибается вбок и книзу”. Вход размещен сбоку так же, как у первого вида повозок; край войлочного полога здесь отогнут в сторону.

Реконструкция днепропетровской повозки и использование метода пропорционирования позволили исследователю определить размеры изображенных на миниатюрах повозок. Предполагаемая высота шатра у первого вида повозок составляет более трех метров, площадь помещения – 2×2 м. У двухколесных повозок второго вида длина кузова арбы – 1,8 м, высота жилого помещения в целом – 1,5 м и только в той части, где войлочное покрытие переходило в “трубу”, она достигала 1,8–1,9 м. Значительно большие размеры имели четырехколесные повозки. Длина их кузова – примерно 2,5 м, высота кибитки – более 3,3 м [9, с. 37].

Для воссоздания внешнего облика половецких веж существенным дополнением является информация о декоре повозок. Судя по материалам археологических раскопок, днепропетровская повозка была окрашена розовой краской и украшена костяными и железными кружками, прибитыми железными гвоздями к ее деревянной основе [9]. Отчасти эти данные подтверждаются описанием кыпчакской (половецкой русских летописей) повозки в сочинении ибн Баттуты: “В Дашт-Кипчаке каждая хатунь их ездит в арбе, в кибитке, в которой находится навес из позолоченного серебра либо из разукрашенного дерева. Лошади, которые везут арбу ее, убраны шелковыми позолоченными покровами”. В другом месте своего сочинения тот же автор говорит, что “вся она (арба) была обтянута хорошим синим сукном; окна и двери кибитки были раскрыты” [10, с. 13].

В книге знаменитого арабского путешественника XIV в. ибн Баттуты, “Подарок наблюдателям по части диких стран и чудес путешествий”, говорится так: “Местность, в которой

мы остановились, принадлежит к степи, известной по имени Дешт-и Кипчак. Ездят по этой степи не иначе как на телегах ... Телегу называют они *араба* (-арба), – пишется через а, ра и ба” [11, с. 332]. В других источниках для обозначения повозки, крытой телеги употребляются также слова *телеген*, *гардунэ*.

Арбы кочевого населения Дешт-и Кыпчака были двух родов: двуколка и телега на четырех больших колесах. “Жилищем степняков в этой безграничной пустыне, – писал Шараф ад-Дина Али Йазди, описывая поход Тимура в Дешт-и Кыпчак в 1391 г., – являются шатры кутарме, которые делают так, что их не разбирают, а ставят и снимают целиком, а во время передвижений и перекочевок едут, ставя их на телеги” [11, с. 332].

Совершенно иной тип передвижных жилищ имели монголы. Они перевозились на особых платформах и, по сообщению путешественников, внешне напоминали юрты. Судя по сведениям Марко Поло, жилища монголов собой “представляли повозки о двух колесах, также покрытые войлоком и превосходные до того, что татары, сидя в них, выдерживают целый день дождь, не промокнув; эти телеги тащат волы и верблюды, в них возят татары своих жен и детей, домашнюю посуду и необходимые припасы” [12, с. 40].

Плано Карпини также довольно скупо описывает жилище: “Ставки у них круглые, изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок. Наверху же в середине ставки имеется круглое окно, откуда падает свет, а также для выхода дыма, потому что в середине у них всегда разведен огонь. Стены же и крыши покрыты войлоком, двери сделаны также из войлока” [2, с. 24]. Немногословен он и в характеристике размеров: “Некоторые ставки велики, а некоторые небольшие, сообразно достоинству и скудности людей ... Для меньших при перевезении на повозке достаточно одного быка, для больших – три, четыре или даже больше, сообразно с величиной повозки” [2].

Наиболее подробное описание передвижных жилищ, по всей видимости, знатных вельмож, оставил Гильом де Рубрук: “Дом, в котором они спят, они ставят на колесах из плетеных прутьев; бревнами его служат прутья, сходящиеся сверху в виде маленького колеса, из которого поднимается ввысь шейка, наподобие печной трубы; ее они покрывают белым войлоком, чаще же пропитывают также войлок известкой, белой землей и порошком из костей, чтобы он сверкал ярче; а иногда также берут они черный войлок. Этот

войлок около верхней шейки они украшают красивой и разнообразной живописью. Перед входом они также вешают войлок, разнообразный от пестроты тканей. Именно они сшивают цветной войлок или другой, составляя виноградные лозы и деревья, птиц и зверей” [2, с. 80].

Судя по литературным источникам, у монголов бытовали несколько видов передвижных жилищ. Первый – гэрт-тэрэг – имел настолько большие размеры, что, согласно данным Рубрука, для его перевозки требовалось 22 быка. Расстояние между колесами достигало 20 футов, “а когда дом был на повозке, он выдавался за колеса, по крайней мере, на пять футов с того и другого бока” [2]. Таким образом, это жилище имело 30 футов в диаметре, т.е. свыше 9 м.

Второй вид представлял собой небольшие жилища, которые использовались богатыми монголами как дополнительные помещения. Рубрук называет их “комнатами, в которых живут девушки”. О величине последних можно судить по той постройке, которую отвели путешественнику при дворе Мунке-хана; “нам троим, – писал путешественник, – была предоставлена маленькая хижинка, в которой мы едва могли сложить наше имущество, сделать постели и развести небольшой огонь” [2, с. 120]. Н.Н. Харузин отмечает, что эти жилища устраивались по образцу больших и всегда оставались на повозках, летом – на колесных, зимой – на санях [12].

Третий вид – это легкие повозки-жилища, запряженные в конные упряжки, которые использовались монголами для быстрого перемещения в военных условиях и для оперативной организации укрепленного военного стана [13].

О четвертом виде повозок – сундуках на колесах – сообщается следующим образом: “...они делают четырехугольные ящики из расколотых маленьких прутьев, величиной с большой сундук, а после того, с одного края до другого, устраивают навес из подобных прутьев и на переднем краю делают небольшой вход; после этого покрывают этот ящик, или домик черным войлоком, пропитанным салом или овечьим молоком, чтобы нельзя было проникнуть дождю, и такой ящик равным образом украшают или пестроткаными или пуховыми материями. В такие сундуки они кладут свою утварь и сокровища, а потом крепко привязывают их к высоким повозкам, которые тянут верблюды, чтобы можно было таким образом перевозить эти ящики и через реки. Такие сундуки никогда не снимаются с повозок” [2, с. 80].

Судя по литературным источникам, в период средневековья у тюрко-монгольских кочев-

ников существовало несколько вариантов планировки временных поселений. К первому типу относится круговое размещение повозок и юрт, известное у монголов под названием “курун” (“курень”), характерное для периодов напряженного и неустойчивого положения в степях. Такое построение кочевнического стойбища описано Рашид-ад-Дином в XIII в.: “В давние времена, когда какое-нибудь племя останавливалось в какой-либо местности, оно располагалось наподобие кольца, и старейшина находился в середине (этого) круга подобно центральной точке; это и называлось курень” [13, с. 69]. По кругу располагались и военные лагеря монголов. Такой военный стан на ночь по периметру круга огораживали телегами, внутри ставили жилища и там же находились воины. В источниках отмечаются грандиозные размеры подобных поселений. Чанчунь указывает на ставку кочевников на р. Халхе из нескольких тысяч телег и кибиток. В “Сокровенном сказании” говорится о тринадцати куренях, включавших тринадцать племен и три тысячи войска [14, с. 75].

Представление о втором типе планировки можно получить из описания Рубрука: “Когда они снимают свои дома для остановки, они всегда поворачивают ворота к югу и последовательно размещают повозки с сундуками с той и другой стороны вблизи дома, на расстоянии половины полета камня, так что дом стоит между двумя рядами повозок, как бы между двумя стенами... Один большой Моал, или Татарин имеет таких повозок с сундуками непременно 100 или 200; у Бату 26 жен, у каждой из которых имеется по большому дому, не считая других маленьких, которые они ставят сзади большого... и к каждому из этих домов примыкает по 200 повозок. И когда они останавливаются где-нибудь, то первая жена ставит свой двор на западной стороне, а затем размещаются другие по порядку, так что последняя жена будет на восточной стороне, и расстояние между двором одной госпожи и другой будет равняться полету камня” [2, с. 80].

Как видим, если для эпохи, предшествовавшей сложению кочевой империи монголов, и в первые годы ее существования характерно круговое расположение кочевья, то при стабилизации положения, в середине XIII в., отдается предпочтение линейной композиции, параллельными рядами, протяженностью в несколько километров. Последовательно, с интервалом, выстраивались с запада на восток 26 модулей в виде большого дома (гэрт-тэрэг) и двух рядов из двухсот небольших повозок. Источники позволя-

ют сделать вывод, что существовал еще третий тип планировки – айльная организация с небольшими поселениями из нескольких совместно кочующих семей, которая была наиболее целесообразной формой первичного хозяйственного объединения в условиях кочевого быта [14].

Таким образом, период средневековья явился узловой эпохой для племен евразийских степей, когда завершилось формирование хозяйственно-культурного типа скотоводов, и он стабилизировался в своих классических формах. Особое значение это имело для архитектуры кочевых народов, оставившей не только характерные и значительные памятники, но и новые варианты планировочных схем.

Литература

1. *Акишев К.А.* К проблеме происхождения нomaдизма в аридной зоне древнего Казахстана // *Поиски и раскопки в Казахстане.* – Алма-Ата, 1972. – С. 31–46.
2. *Путешествия в восточные страны* Плано Карпини и Гильома де Рубрука. – Алматы, 1993. – 248 с.
3. *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. – М., 1966.
4. *Вайнштейн С.И.* Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // *СЭ.* – 1976. – №4. – С. 42–62.
5. *Куркчи А.И.* Архитектура кочевой степи в VIII в. // *Архитектурное наследие.* – Вып. 37. – М., 1990.
6. *Кобычев В.П.* Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. – М., 1982. – 195 с.
7. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. Салтовомаяцкая культура. – М., 1967. – 198 с.
8. *Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков: Материалы к историко-этнографическому атласу.* – Алма-Ата, 1980. – 256 с.
9. *Нечаева Л.Г.* О жилище кочевников юга Восточной Европы в железном веке (I тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.) // *Древнее жилище народов Восточной Европы.* – М., 1975. – С. 7–50.
10. *Маргулан А.Х.* Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. – Алма-Ата, 1950. – 122 с.
11. *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. – Алма-Ата, 1992. – 375 с.
12. *Харузин Н.Н.* История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России // *ЭО.* – М., 1896. – №1. – 53 с.
13. *Майдар Д., Пюрвеев Д.* От кочевой до мобильной архитектуры. – М., 1980. – 215 с.
14. *Вайнштейн С.И.* Историческая этнография тувинов. Проблемы кочевого хозяйства. – М., 1972. – 314 с.